(cc) BY

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Старостин Владимир Петрович
канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Якутская государственная
сельскохозяйственная академия»
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ (К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация*: в данной статье автор рассматривает достаточно спорную проблему о биологических основах девиантного поведения, затрагивая вопрос о возникновении проблематики в истории российской и мировой науки.*

Ключевые слова*: криминальное поведение, психология криминального поведения, биосоциология.*

Представители различных научных дисциплин давно проявляют интерес к преступности. Но более всего это относится к попыткам научного объяснения преступности, основанные на давних философских дебатах, особенно в конце XIX века в связи с быстрым развитием биологических и социальных наук. Гораздо важными являются теории, созданные социологами, психологами, моралистами и психиатрами. Например, Лайтнер Уитмер, основатель клинической психологии читал курс лекций о криминальном поведении в университете штата Пенсильвания еще до основания первой психологической клиники в 1896 году, а Г. Стэнли Холл описал исследования несовершеннолетних в книге, опубликованной в 1904 году. Со временем педагогические, клинические и тюремные психологи начали оказывать систематические услуги следователям, судам и пенитенциарным учреждениям. Свой вклад внесли и русские и советские психологи и юристы. Например, С.В. Познышев в 1926 году издал в Ленинграде свой труд под названием «Криминальная психология: преступные типы. О психологиче-

ском исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступников в частности» [4]. Справедливости ради надо отметить, что после первого издания, вновь книга появилась только в 2007 году. Хотя с 1904 вплоть до начала Великой Отечественной данный выдающийся русский юрист, психолог, профессор Московского Университета, Государственного Московского психоневрологического института и Международной академии наук в Тулузе издал 49 научных трудов. Так как вскоре разработки по судебной (криминальной) психологии были приостановлены и судебно-психологические исследования были прекращены до 1960-х гг., а проблематика предана забвению.

В своей книге Сергей Викторович рассматривает положения, изложенные Ломброзо в знаменитой книге «Новейшие успехи науки о преступнике» [2] и «Преступные типы». Критикуя Ломброзо Энрико Ферри писал: «Я настаиваю на преимущественном значении физиономии при диагностике преступного типа, потому что по одним аномалиям черепа или скелета можно отличить лишь дегенерата или вообще ненормального человека от нормального, но нельзя по одним этим признакам отличить преступника от дегенерата» [6, с. 58].

Отдавая должное деятельности Ломброзо Чезаре, принципиально критикуя конструктивно некоторые ненаучные взгляды итальянского исследователя, Познышев говорит о том, что наряду с нравственной черствостью и снижением чувствительности у прирожденных преступников соединяются непредусмотрительность, в силу чего они глухи угрозам уголовного закона, отсутствием нравственного чувства, сострадательности, раскаяния и угрызений совести. У них развито неоправданное тщеславие, переходящее на мстительность и особая гордость. Страсти прирожденных преступность связано со страстью половой, страстью к игре, к лакомой еде и т.д., и они отличаются необузданностью, непостоянством и насильственностью. «Убийцы отличаются обыкновенно стеклянными, холодными глазами, налитыми кровью, большим, часто орлиным, загнутым вниз носом, развитыми клыками, челюстями и скулами» [4, с. 19]. Т.е. преступные лица имеют явные физические признаки, которые наглядно можно фиксировать.

Многие криминологи противятся признанию взгляда, что преступность может быть связана с биологическими характеристиками человека. В их аргументации имеется определенный смысл: биологистская позиция отражает представление о враждебной ущербности преступника и отвлекают внимание от криминогенных социальных условий и подспудно содержат возможность корректировки преступного поведения с помощью генной инженерии или психохирургии.

После Второй мировой войны, с началом «холодной войны», военные психологи США, обеспокоенные нарастающим «вьетнамским синдромом» провели несколько секретных социально-психологических исследований по проверке готовности военнослужащих к началу военных действий. Однако, оказалось, что даже к высадке десанта на французское побережье было готовы только примерно 15-17%. И только 2% высаженных были явно готовы к ведению активного боя, т.е. проявляли готовность стрелять (убивать) противника. Остальная часть чувствовала некоторое неудобство, прежде всего психологическое, в связи с возможностью убивать.

Исследование, проведенное среди солдат, воевавших во Вьетнаме, просто шокировало исследователей: результаты практически те же, но было выявлено, что около 2% военных испытывали крайнюю необходимость в психологической помощи, так как у них наблюдались ярко выраженные психологические проблемы. Возникает естественный вопрос: а не являются ли эти 2 процента, теми, кто были готовы убивать?

Когда люди совершают античеловеческие преступные деяния, мы их называем животными. А насколько это оправдано? Вспомните хотя бы слова Алешки Карамазова из «Братьев Карамазовых» Федора Достоевского о том, что у животных нет инстинкта братоубийства: да, они могут в каких-то обстоятельствах убить своего противника, даже съесть свое потомство. Но, ведь только люди могут, убив собрата по виду, повесить его голову на кол, чтобы угрожать своим соплеменникам. Только люди могут даже культивировать братоубийство, доказывая «священность» такого рода действия. А каинова печать – она разве не на людях, а не на животных?

Доказано, что, когда у человека возникает необходимость убийства, у него срабатывают те части мозга, которые отвечают именно за человеческие, а отнюдь не животные инстинктивные возможности. Возможно, что это и есть доказательство «окультуренности» братоубийства как вероятного выхода из ситуации, какими бы мотивами они ни руководствовались. Все сказанное напрямую относится и к пониманию судебной этики и психологии. Раскрывая нравственную сущность судьи, И. Бенедикс писал: «Личность судьи, его политические, социальные и чисто человеческие воззрения имеют для судебной практики чрезвычайно важное значение. Чем выше стоит его человечность, чем обширнее его жизненный опыт, чем интенсивнее его самокритика и самодисциплина, тем лучшее, более справедливое… применение вверенных ему норм закона сделает он» [7, с. 41]. В истории человечества огромную позитивную роль сыграли системы табу, запретов, традиционных и религиозных предписаний. Но, как подчеркивает современный философ А.А. Мамедов, эволюционируя, люди ослабили действенность этих запретов, вырабатывая новые правила поведения [4, с. 32].

К концу XIX века наметился кризис позитивистской философии. Господство юридического позитивизма идея которого заключается в известной максиме «Законодатель всегда прав», печально сказалось на правосудии в России. Сторонники так называемого «возрожденного естественного права» – П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, И.В. Михайловский ратовали за воссоединение права, нравственности и свободы личности, который проходил на фоне общего кризиса государственности: «Право есть низший предел, некоторый минимум нравственности, для всех обязательный. Задача права… не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [5, с. 25].

Теоретики возрожденного естественного права в начале XX века полагали, что «основу прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность, право только там, где есть свобода личности». Б.А. Кистяковский подчеркивает неразрывную связь права и нравственности как основы русской философии права: «Нормы права и нормы нравственности в сознании русского

народа живут в слитном состоянии… Определяя внешнее поведение, правовые нормы, однако, сами не являются чем-то внешним, так как живут прежде всего в нашим сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы. Только будучи выраженными в статьях законов или примененными в жизни, они приобретают и внешнее существование» [1, с. 17].

Можно сделать вывод, что наличие у человека сознания не освобождает его от биологических основ своих поступков; возможно, наоборот: биология делает действия и поведение индивида еще более инвариантным. Но если в профанической жизни наличие этого компонента может стать основой разнообразия человеческого феномена, то в каких-либо критических и экстремальных условиях такого рода действие может проявиться самым непредсказуемым образом.

Список литературы

1. Кистяковский Б.А. В защиту права / Вехи. – М., 1990.

2. Ломброзо Ч. Новейшие науки о преступнике / Пер. д-ра Раппопорта. – СПб.: 1892.

3. Мамедов А.А. Тоталитаризм и интеллектуальная свобода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2010. – №6 – . С. 27–32.

4. Познышев С.В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступников в частности /Сост. И предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. – М.: ИНФРА-М, 2007.

5. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М., 1913.

6. Ферри Э. Уголовная социология / Пер. под ред. С.В. Познышева. – СПб., 1908.

7. Benedix I. Das Problem der Rechtssicherheit. – Berlin, 1914.